

При составлении этого альманаха-книги возникли определённые трудности с материалами некоторых членов нашей организации, ушедших из жизни. Геннадий Васильевич Пастухов, взявшийся за сбор материалов, буквально устроил мне осаду по материалу Ивана Трифоновича Твардовского. Я хотел было связаться с родственниками писателя. А потом подумал: нелепо как-то печатать какую-то часть из его произведений, хорошо бы опубликовать очерк или эссе о нём. К сожалению, таковых материалов в писательской организации не оказалось. Более всего из писателей наших с Иваном Трифоновичем общалась Вера Анатольевна Иванова, как председатель организации. Но она, к сожалению, не написала такого очерка, хотя предисловие книге «Родина и чужбина» написано ей. В 2002 году, как начальник пресс-службы УФСИН РФ по Смоленской области, я по служебной линии работал с корреспондентом «Московского комсомольца» Катей Сажневой. У неё было редакционное задание подготовить в газету материал о колонии-поселении. Мы с ней плодотворно съездили в Десногорск, в колонию-поселение №5. В свободное от работы время я на правах радушного хозяина показывал журналистке город, рассказывал о его культурной жизни и, конечно, о писателях. И когда Екатерина услышала об Иване Трифоновиче Твардовском, что он живёт в доме для престарелых в Вишенках, глаза её вспыхнули, и она спросила меня, а мог бы я устроить с ним встречу, чтобы написать о нём статью. Я ответил, что всё возможно, но вот ведь времени уже нет, командировка её заканчивается. Тогда Катя сказала, что она поговорит с редактором газеты и специально приедет взять у Твардовского интервью. И приехала. Втроём, Вера Анатольевна, Катя и я, мы приехали в Вишенки к Твардовскому.

А 1 мая 2002 г. в «Московском комсомольце» вышла статья «Где же ты, брат?». Через год, 30 июня, в той же газете была опубликована статья Екатерины Сажневой «Умер последний Твардовский». А в Смоленске, насколько мне известно, никто не написал очерка о жизни Ивана Трифоновича. И решил я воспользоваться свободной энциклопедией, что существует уже более 6 лет в Интернете – Циклопедией, где собран на настоящий момент более-менее полный материал о жизни И.Т. Твардовского. Благо Циклопедия позволяет пользоваться своим материалом читателям. К сожалению, в Циклопедии не указан автор статьи. Потому от имени писателей нашей организации выражаю искреннюю благодарность создателям и составителям Циклопедии за статью об И.Т. Твардовском, которую мы перепечатаем в этой книге. Добавлю лишь от себя, что, когда я прочёл подаренную мне Иваном Трифоновичем книгу «Родина и чужбина», я ясно осознал, что, для того чтобы лучше понимать творчество и жизненный путь великого поэта Александра Трифоновича Твардовского, непременно нужно на столе держать и книгу жизни его брата Ивана.

Биография*

Детство и юность

Иван Трифонович Твардовский родился 19 октября 1914 года на хуторе Загорье, возле деревни Сельцо Смоленской губернии, в семье сельского кузнеца Трифона Гордеевича Твардовского (1880–1949) и его супруги Марии Митрофановны (в девичестве Плескачевской, 1888–1965), происходившей из однодворцев. Братья – Константин (1908–2002), Александр (1910–1971), Павел (1917–1983), Василий (1925–1954), сёстры – Анна (1912–2000) и Мария (1922–1984). Грамоте Иван обучался на дому, в основном у старшего брата Александра, параллельно работая по хозяйству. В 1925 году он поступил сразу в третий класс четырёхклассной школы и спустя два года успешно окончил её. В это же время он вместе с отцом и братьями участвует в строительстве кузницы.

В 1929 году Иван Твардовский поступил в пятый класс Лобковской начальной школы. Проживая на квартире в селе Лобкове, он совершает первую самостоятельную поездку в Смоленск, к своему брату Александру.

Коллективизация. Раскулачивание. Ссылка на Урал.

Весной 1930 года началась коллективизация, и семья Твардовских была обложена непосильным индивидуальным налогом. Летом того же года се-

* Циклопедия (<http://cyclowiki.org>)

мья, надеясь найти выход из создавшегося положения, вступает в Ляховскую сельскохозяйственную артель «Заря»; работа в кузнице прекращается. Вскоре отец уезжает на заработки в Донбасс, а Иван с братом Константином, опасаясь преследования властей за невыплату наложенного на семью налога, едут на некоторое время к своему знакомому в Китаб (Узбекистан). Константина тем временем заочно приговаривают к одному году заключения в Смоленской тюрьме, куда он и попадает по возвращении домой.

В феврале 1931 года Иван был исключён из школы как сын «кулака». В марте — апреле, в разгар кампании по раскулачиванию, семья Твардовских была выселена из Загорья и почти в полном составе (кроме Александра) этапирована в товарных вагонах на Урал, до станции Ляля (ныне в Екатеринбургской области). Здесь Иван Твардовский работает на лесоучастке Ново-Лялинского леспромхоза; условия работы и жизни здесь были настолько невыносимыми, что уже в течение первого года из жизни ушли сотни спецпереселенцев. Вместе с Константином Иван предпринимает несколько попыток побега; скрываясь, он работает возчиком и грузчиком угля на чугунолитейном производстве на Тёплой горе, затем на алебастровом производстве на станции Утёс, на погрузке зерна, на лесоповале, в пожарной команде на Ново-Лялинском бумажном комбинате, на заводе на станции Тёша (Нижегородская область). Его отец и брат Павел также бегут из ссылки; после этого отец некоторое время работает кузнецом в совхозе «Гигант» под Можайском под именем Демьяна Никитьевича Тарасова.

После ссылки

В ноябре 1932 года Твардовский был задержан при облаве на Казанском вокзале в Москве. Вскоре он был устроен рабочим на стройке, затем делопроизводителем в конторе, однако был уволен за оскорбление рабочего на национальной почве. В конце того же года вся семья бежит из ссылки и перебирается в Нижний Тагил, а затем в село Русский Турек Уржумского района Вятской области. Весной 1934-го Иван предпринимает поездку к родителям в Русский Турек, а летом того же года — в Смоленск, где встречается с братом Александром и другими родственниками. Зимой 1933/34 года работает на Каширской РГЭС.

Летом 1934 года Иван Твардовский устраивается через биржу труда на Московский учебный комбинат, работает на железнодорожном ремонтном заводе (Можерез) в Люблино-Дачном подручном сталевара у сталелитейных электропечей. После увольнения с завода осенью 1936 года устроился в совхоз «Старый большевик» (Раменский район Московской области). В апреле 1936 года брат Александр помогает семье с переездом в Смоленск. В декабре 1937 года Иван навещает семью в Смоленске. Практически сразу после этого он, опасаясь репрессий, переезжает из Москвы в Нижний Тагил, где устраивается на работу в тресте «Уралмашстрой» на строительстве завода оборонной промышленности. Здесь он знакомится со ссыльной поселенкой

Марией Васильевной Романовой (1917–2001), на которой и женится 7 июля 1938 года. Их сын Валерий, родившийся 29 мая 1939-го, был зарегистрирован комендатурой НКВД по группе ссыльных поселенцев, несмотря на письмо Ивана Трифоновича лично Сталину. В возрасте семи месяцев у Валерия была диагностирована водянка мозга.

В сентябре 1939 года Иван Твардовский предпринимает короткую поездку в Ставрополье, где поселился его брат Константин после отбытия трёх лет за побег из района спецпереселенцев. После запуска завода Твардовского переводят из строительной организации в его транспортный отдел. Уволившись позднее с завода, Иван Трифонович работает в группе аналитической отчётности планового отдела «Коксохимстроя»; его шефом становится Сергей Андреевич Богинский, с которым он уже работал в «Уралмашстрое».

В годы войны. Жизнь в финском плену.

26 июня 1940-го Иван Трифонович призван на службу в Красную Армию. В течение года после этого он служит на границе с Финляндией, близ города Сортавала, где проходит «курс молодого бойца». В это время он узнаёт из письма жены о рождении дочери Тамары. В первые дни войны Иван Твардовский в составе 1-й стрелковой роты 367-го стрелкового полка принимает участие в боях на пограничной заставе в Вяртсиля. В этой операции погибло около 120 человек (три четверти личного состава роты), а командир роты и его замполит бежали с места боя; сам Твардовский был взят финнами в плен (16 июля 1941). После этого он был отправлен во временный лагерь для военнопленных; спустя двое суток его в группе из ста человек направляют на металлургический завод. С осени 1941 Твардовский работает на кирпичном заводе в Тохмаярви. Здесь он приступает к изучению финского языка, чтобы поддерживать контакты с финскими рабочими — многие из них с сочувствием относились к советским военнопленным. После нескольких месяцев пребывания в Тохмаярви Ивана Твардовского и других военнопленных отправляют в занятую финскими войсками Восточную (советскую) Карелию: вначале на станцию Пяжиева Сельга, а спустя ещё месяц — в бывший лагерь НКВД в Петрозаводске, где он работает на чурочном производстве.

На второй год войны Ивану Твардовскому, как и многим военнопленным, был предложен выбор: воевать в финской армии против СССР либо работать в лесной глуши «в строгой изоляции». Не желая воевать против своих соотечественников, Твардовский выбрал второй вариант, после чего был направлен в лагерь в Финляндии, недалеко от Яанекоски, для работы на лесоповале. Условия содержания пленных здесь были весьма гуманными, во многом благодаря усилиям сержанта лагерной охраны. Иван Трифонович имел возможность, параллельно с работой, продолжать изучение финского. Во время работы в лесу ему однажды попалась берёза с большим капом, что привело его к мысли заняться резьбой по дереву (некоторый опыт в этом деле Твардовский имел ещё с подростковых лет). Свои изделия он продавал местному населению.

В мае 1943 года, после неудачной попытки побега из лагеря вместе с другим пленным, Твардовский был направлен в штрафной лагерь для русских военнопленных близ Мустасаари (около города Вааса). Условия жизни для пленных здесь были весьма тяжёлыми. В Ваасовском лагере Твардовский познакомился и сдружился с Николаем Дьяковым – пленным родом из Рязанской области; спустя почти тридцать лет они встретились вновь. Из штрафного лагеря Твардовского вызволил предприниматель шведского происхождения Сёдерлунд: в июле 1943 года, когда его предприятию, изготавливавшему мелкие детали для моторных катеров, понадобился литейщик, он уговорил начальника лагеря направить к нему Ивана Трифоновича и ещё одного военнопленного. На предприятии Сёдерлунда Твардовский проработал более года.

Побег из Финляндии

К мысли о бегстве в Швецию Иван Трифонович начал склоняться ещё в период работы на лесоповале под Яанекоски, узнав из газет, что Швеция, будучи нейтральной страной, проводит интернирование беженцев со всех концов Европы и содержит их в хороших условиях. Остаться же в Финляндии он не считал возможным, поскольку опасался принудительной выдачи Советскому Союзу по окончании войны, после которой он, как бывший военнопленный, неизбежно попал бы в ГУЛАГ.

Работая у Сёдерлунда, Твардовский продолжает обдумывать план побега. В конце августа 1944 года он, переодевшись из робы военнопленного в гражданскую одежду, тайно покинул предприятие Сёдерлунда и отправился на угнанном велосипеде вдоль побережья Ботнического залива в сторону пограничного со Швецией города Торнио. Дорога почти в пятьсот километров заняла около полутора месяцев. По пути Иван Трифонович нанимается в крестьянских хозяйствах копать каналы, питается преимущественно лесной брусникой, а при задержаниях полицией выдаёт себя за эстонского беженца.

К середине октября Иван Твардовский добирается до Торнио и, при помощи полковника финской полиции, которому он представился эстонцем, переходит вброд пограничную реку. Здесь он был задержан шведскими полицейскими, помещён в арестантскую камеру и вскоре допрошен; во время допроса он впервые с момента пленения финнами назвался собственным именем.

Жизнь в Швеции

После примерно двух недель пребывания в Торнио Твардовского направляют в лагерь для интернированных беженцев недалеко от Умео. Большинство русских интернированных, живших в лагере, были представителями интеллигенции, однако у Ивана Трифоновича отношения с ними не сложились: узнав, что он – брат Александра Твардовского, они ошибочно считали его «тайным агентом НКВД». Исключением стал инженер Бронислав Яворский, представлявшийся сыном «известного в своё время московского солиста». [Прим. 1] и сам обладавший хорошим баритоном.

Получив в конце ноября 1944 года шведский «паспорт для иностранца», Твардовский устраивается на работу на лесозаготовках акционерного общества «Бюваттен», недалеко от города Шеллефтео. Вместе с ним здесь работают ещё несколько интернированных из СССР, а также местные крестьяне. В это время Иван Трифионович постигает основы шведского языка, надеясь найти в будущем более достойную работу в Швеции. Читая шведские газеты («Дагенс нюхетер», «Стокхольмс тиднинген» и другие), он узнаёт об успехах Красной Армии на фронтах войны, а также о бесчеловечном отношении сталинского руководства к освобождённым из немецкого плена и к интернированным. Осенью 1945 года становится известно о том, что шведское правительство вынуждено выполнить требование Сталина об экстрадиции в СССР более ста беженцев из стран Балтии.

Работая на лесозаготовках, Твардовский пишет письмо в Финляндию — Анне-Лисе Сёдерлунд, дочери владельца литейных мастерских, где он некогда работал: между ними тогда установились дружеские отношения. Он сообщает (на финском языке), что жив и здоров, приносит извинения за её угнанный велосипед и выражает готовность возместить его стоимость в удобной ей форме. Её ответное письмо было полно добрых пожеланий; помимо прочего, она прислала ему шведско-русский и русско-шведский словари, а также пособие по шведской грамматике.

Примерно на девятый месяц жизни в Швеции Иван Твардовский принимает решение уволиться из лесного хозяйства «Бюваттен» и найти работу по своей специальности (резьба по дереву). Уже перед самым отъездом он встречает молодого школьного учителя, боготворившего русскую литературу, изучавшего русский язык и всю жизнь мечтавшего встретить живого русского. Вообще, о жителях шведской глубинки у Твардовского остаётся самое положительное впечатление. Обратившись в «Арбетсфёрмедлинг» (биржу труда), Иван Трифионович устраивается резчиком на частное семейное предприятие «Резьба по дереву Свенссона» в селении Индальсэльвен, недалеко от города Сундсвалль. Помимо него, здесь работало ещё восемь человек, включая самого главу предприятия, Гарри Свенссона, его жены и братьев. Живёт Твардовский прямо в рабочем кабинете Гарри. У него складываются доверительные отношения со всеми членами семьи Свенссонов, а особенно близкие — с Конрадом Хёглундом, тестем хозяина. Определённую роль здесь сыграло и то, что Свенссоны были религиозными людьми, евангелистами лютеранской церкви.

Возвращение на родину

Ещё с момента пленения финнами Иван Трифионович Твардовский надеялся рано или поздно вернуться на родину, где оставалась вся его семья. Получив в Швеции свободу и достигнув материального благополучия, он почувствовал ностальгию ещё сильнее. Непосредственную подготовку к репатриации он начал после того, как в августе 1946 года прочитал «Обращение

правительства СССР ко всем советским гражданам (подданным), находящимся за границей...», напечатанное по-русски в газете «Свенска дагбладет». В конце декабря того же года Твардовский, распрощавшись со Свенссонами и получив благословение пастора местной евангелической общины, отправляется в Стокгольм, где обращается в советское посольство по вопросу возвращения на родину. Его направляют в консульство, располагавшееся неподалёку. Консул Петропавловский сообщает Твардовскому, что именно в день его обращения он получил свежий номер журнала «Огонёк», открывавшийся стихотворением его брата Александра «О Родине». Петропавловский обещает Ивану Трифоновичу содействие в возвращении, а на время подготовки предлагает поселиться в стокгольмской гостинице, арендованной советским консульством. Спустя неделю Иван Твардовский отправляется на пароходе в финский порт Турку, оттуда на поезде в Хельсинки, где в сопровождении «товарищей» (предположительно агентов МГБ) пересаживается на ленинградский поезд. По прибытии поезда в Выборг Твардовского высаживают из поезда и помещают в местную тюрьму. По прошествии двух дней его допрашивают и направляют в Лубянскую тюрьму (с короткой остановкой в Ленинграде с целью досмотра). Ещё через неделю состоялся допрос, после которого началось следствие по делу Ивана Твардовского.

В Чукотлаге

Следствие продолжалось несколько месяцев. Всё это время Иван Твардовский проводит в одиночной камере Лубянской тюрьмы; пережить эти месяцы ему могли помочь только книги, которые менялись раз в неделю. В конце мая 1947 года Твардовского ставят в известность о том, что он приговорён к десяти годам исправительно-трудовых лагерей по ст.58 п.1б («нарушение воинской присяги»). Интересно то, что сам Иван Трифонович этот документ не читал и не ставил подпись об ознакомлении с ним. Судебного разбирательства также не было.

Ожидающего этапа в лагерь Твардовского помещают в камеру для осуждённых. В течение примерно месяца его постоянно перемещают из одной камеры Лубянской тюрьмы в другую и из Лубянской тюрьмы в Лефортовскую. Иван Трифонович разговаривает с другими осуждёнными, они рассказывают друг другу свои судьбы. Этап был отправлен эшелонами Москва — Иркутск в начале июля 1947 года. В пути Иван Твардовский, опасаясь ограбления уголовниками, обменивает большую часть личных вещей на съестное. Тогда же он пишет письмо своей жене — впервые за последние семь лет. После короткой остановки в Иркутской пересыльной тюрьме Твардовский был вызван на этап в эшелоне, отправлявшемся в Находку; туда он и прибыл к концу июля.

В пересыльном лагере, под открытым небом, в Находке Иван Трифонович провёл более двух месяцев. Условия жизни заключённых были невыносимыми: даже спать приходилось прямо на голой земле. Наконец в конце

сентября Твардовский отправляется этапом на Чукотку в трюме парохода «Миклухо-Маклай».

По прибытии в Чукотлаг Иван Твардовский был госпитализирован в лагерную больницу. Вскоре ему было предложено начертить эскизы инструментов, необходимых для резных работ по дереву. Как и многим квалифицированным специалистам (врачам, инженерам и т. п.), а также высококлассным мастерам редких профессий, Твардовскому «повезло»: он не был отправлен в безлюдную местность на общие работы (например на рудниках). Поселили его в комнате при больнице, однако в качестве рабочего места ему первоначально было отведено помещение морга, о чём Иван Трифионович вспоминает с ужасом; впрочем, заведующий лагерной аптекой, с разрешения начальника санотдела, согласился отвести ему место для работы в аптечном бараке. Поскольку подходящего для работы дерева на Чукотке не нашлось, Твардовский стал использовать кость мамонта.

Некоторое время Иван Трифионович занимается изготовлением мебели для аптеки, однако потом его переводят в лагерную зону, в бригаду разнорабочих-строителей, где ему поручается носить носилки. Спустя два дня начальство лагеря определяет его в столярную мастерскую; по требованию Твардовского ему были предоставлены необходимые материалы и инструменты, и он приступил к изготовлению мебели в кабинет начальника ОЛП.

В 1948 году Иван Трифионович Твардовский был направлен модельщиком в открывшийся литейный цех. Из числа рабочих цеха у него появляются близкие друзья – Иван Сидорович Бондаревский и Александр Андреевич Машаров. Параллельно с работой Твардовский, как и ранее в Финляндии, выполняет резные работы для заказчиков, только в качестве материала использует мамонтовую и моржовую кость. Среди его работ – статуэтки животных, браслеты для наручных часов, прорезные футляры для часов, скульптурная резьба на моржовых бивнях, миниатюрные шкатулки, медальоны и многое другое.

В конце 1948 года для заключённых были введены зачёты за рабочие дни: при выполнении дневной нормы выработки до ста пятидесяти одного процента стало засчитываться два – три дня; таким образом, у Твардовского появилась возможность отбыть свою «десятку» за три – четыре года. Одновременно были открыты ларьки с изделиями из мамонтовой и моржовой кости и для заключённых, учреждены лицевые счета.

Из переписки с женой Иван узнаёт о её встрече с его братом Александром в августе 1948 года, во время его визита в Нижний Тагил, и о смерти дочери Тамары ещё в годы войны. В 1951 году умирает от водянки мозга и сын Валерий. Налаживается переписка и со старшим братом Константином.

В декабре 1951 года имели место жестокие баталии между заключёнными лагеря из числа уголовников – вновь прибывшими и старожилами. Произошло несколько убийств как ночью, так и днём, на производстве. Лагерное

начальство поначалу никак не реагировало. Когда уголовники саботировали выход бригад на работу, об этом было доложено начальнику лагеря, и тот отдал приказ об открытии огня по толпе заключённых, среди которых было и много невиновных, без суда и следствия. В результате погибло 93 человека, также было много раненых. Хоронили погибших лишь в марте 1952 года; в захоронении принимал участие и Твардовский.

После освобождения

27 мая 1952 года Иван Трифонович был досрочно освобождён из Чукотлага по зачёту с обязательством отработать на Дальстрое по вольному найму половину сокращённого срока. Он устраивается на квартиру к молодой семье из Горького (Нижнего Новгорода). Однако уже в конце ноября начальник отдела кадров управления Чукотстроя Михайленко позволил Твардовскому покинуть Чукотку – при условии, что тот отгравировает для него рельефом моржовый клык. Условие было выполнено, и 24 ноября Иван Твардовский отплывает из порта Эгвенкино. Во Владивосток пароход пришёл к 20 декабря; ещё примерно через две недели Твардовский добирается по железной дороге, с несколькими пересадками, до своего дома в Нижнем Тагиле, где встречается с супругой.

В последующие годы семья предпринимает несколько поездок к родственникам в Смоленск. Одновременно Твардовский пытается восстановить связь со старшим братом Александром Трифоновичем. Он с ним изредка переписывается, а в 1954 году они встречаются в Москве. В целом, отношения двух братьев так навсегда и остались непростыми.

В феврале 1956 года Твардовский с женой, потерявшие обоих детей, удочеряют двухлетнюю девочку Ольгу. В марте Твардовские переезжают в Смоленск. В сентябре семью навещает Александр в компании Александра Дементьева. Однако смоленский заработок Ивана Трифоновича здесь был значительно ниже уральского, а жена со специальностью коксохимика не могла устроиться здесь на работу. Поэтому уже в марте 1957-го семья Ивана Трифоновича возвращается в Нижний Тагил.

Иван Твардовский серьёзно заболевает: в феврале 1965 года у него был диагностирован грипп, а ещё через неделю его госпитализируют с пневмонией. Через некоторое время рентгеноскопия дала повод к подозрению на рак, и в конце апреля Твардовский отправляется для онкологического обследования в Москву. Московские врачи не подтвердили диагноз рака. Во время этой поездки Иван Трифонович в последний раз встречается с братом Александром. В декабре 1968 года семья переезжает в Красноярский край (а семь лет спустя поселяется в посёлке Танзыбей Ермаковского района). В 1971 году Иван Трифонович едет в Москву на похороны Александра.

Возрождение хутора Загорье. Литературная деятельность

Весной 1977 года Иван Трифонович Твардовский получил письмо от старшего научного сотрудника Смоленского областного музея-заповедника Р. М. Минкиной с просьбой изготовить что-нибудь для экспозиции, посвя-

щённой А. Т. Твардовскому. Одна из его поделок к тому времени уже находилась в музее Смоленского пединститута. И Иван, вспоминая своё детство и стихи Александра Трифоновича, посвящённые родным местам, принимает решение изготовить для музея деревянный макет загорьевской усадьбы Твардовских, ликвидированной коммунистами после выселения из неё семьи в 1931 году. К середине октября макет был готов; в Смоленск он был отправлен по железной дороге.

Установка макета широко освещалась как местными, так и центральными газетами. Его снимки Твардовский разослал многим литераторам — исследователям творчества брата; макет произвёл на них большое впечатление. Так, В. В. Дементьев в очерке «Поездка в Загорье» («Литературная Россия», 31 марта 1978) впервые призывает к восстановлению загорьевского хутора, в последующие годы этот вопрос неоднократно поднимается представителями творческой интеллигенции и прогрессивной общественности.

Первая с 1931 года поездка Ивана Трифоновича к месту родного хутора состоялась в 1980 году. В последующие годы он активно занимается литературной деятельностью: публикуется в журналах «Новый мир» (долгое время возглавлялся его братом Александром), «Юность», в альманахе «Дядя Ваня». В 1983 году издательством «Современник» издаётся его документальная повесть «На хуторе Загорье». [Прим. 2].

В 1985 году Иван Трифонович принимает участие в торжествах по случаю 75-летия со дня рождения Александра Твардовского, проходивших в Москве и Ленинграде (Санкт-Петербурге).

Помимо прочего, супруги Твардовские славились в Танзыбее как прекрасные садоводы и огородники. На своём участке они выращивали облепиху, крыжовник, смородину, помидоры редких сортов.

В мае 1986 года Иван Твардовский получил письмо от директора областного музея-заповедника А. П. Якушева с предложением приехать в Смоленск для изготовления обстановки, бывшей в доме Твардовских в Загорье. Ему было предоставлено место для работы, а также квартира. Сразу же по приезду он принимается за изготовление по памяти копий мебели, стоявшей в отцовском доме; его помощником стал один из работников совхоза «Починковский» Павел Филиппович Романов. Официальное решение «О возрождении усадьбы Твардовских на хуторе Загорье» было принято Смоленским облисполкомом 1 сентября того же года.

При воссоздании обстановки хутора за основу был взят макет усадьбы, изготовленный Твардовским в 1977 году. Однако восстановление интерьера избы и других построек было невозможно без личного присутствия Ивана Трифоновича на строительной площадке. При этом строительные работы затягивались, в проекте не были учтены многие работы — например необходимость восстановить рельеф места усадьбы, нарушенный при строительстве

автодороги к совхозу. Поэтому в октябре Твардовский с женой переселяются из Сибири на Смоленщину.

В возрождении загорьевского хутора принимали участие многие энтузиасты как из Смоленской области, так и со всех концов страны — поклонники творчества Александра Твардовского, школьные товарищи Ивана Трифоновича, общественность района. К осени 1987 года усадьба в основном была восстановлена, а в июне 1988-го состоялось официальное открытие музея, приуроченное к 78-летней годовщине со дня рождения Александра Трифоновича. Единственным хранителем Музея-усадьбы становится Иван Твардовский.

Последние годы жизни

В 1996 году смоленским издательством «Посох» была издана книга мемуаров Ивана Твардовского «Родина и чужбина».

В 2001 году умирает супруга Твардовского, Мария Васильевна, а ещё через год — старший брат Константин, уехавший в сибирскую глушь и не отвечавший на письма. Бродячие псы загрызают дворовую собаку Ивана Трифоновича. Все эти события повергают его в глубокую депрессию.

19 июня 2003 года Иван Трифонович Твардовский ушёл из жизни в возрасте 88 лет; он был единственным из братьев Твардовских, умершим на малой родине. Похоронен на сельском кладбище у деревни Сельцо Починковского района, близ хутора Загорье 1.

Примечания:

1. По-видимому, речь идёт о Болеславе Яворском.
2. Следует отметить, что 170 машинописных листов тогда не было разрешено к печатанию; эти страницы увидели свет только в 1988 году в журнале «Юность» № 3 («Страницы пережитого»).